

Бороздин Сергей Сергеевич

Политика российских властей в отношении мусульманского населения
Туркестана и Бухары (1867 - 1914)

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2012

Работа выполнена в ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» на кафедре новой и новейшей истории.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Смирнов Сергей Викторович

Официальные оппоненты: Ярков Александр Павлович,
доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», заведующий сектором исследований этноконфессиональных отношений Института гуманитарных исследований.

Старостин Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, ФГБОУ ВПО «Уральский государственный горный университет», заместитель заведующего кафедрой теологии.

Ведущая организация: МОУ ВПО СВ РТ и РФ «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Защита состоится «09» ноября 2012 г. в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.285.16 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

Автореферат разослан «___» _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л.Н. Мазур

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется схожестью проблем, которые приходилось решать правительству Российской империи и современной России. Являясь государством полиэтническими и поликонфессиональным, включающим в своем составе регионы традиционного проживания мусульманского населения, она не могла и не может оставаться в стороне от процессов, протекающих в исламском мире.

Настроения в среде российских мусульман и их единоверцев из соседних стран всегда находились в центре внимания правящих кругов России. До сих пор находятся силы, не оставляющие попыток привнести радикальные идеи в исламское вероучение, распространить их среди российских мусульман. С течением времени несколько изменились методы их реализации, но отнюдь не содержание. Идея создания всемирного халифата, активно пропагандируемая современными террористическими организациями, также родилась не вчера и была озвучена теоретиками панисламизма в конце XIX в. В начале XXI в., как и столетием ранее, важнейшими эпицентрами радикальных религиозных течений выступают Афганистан и ближневосточный регион.

Актуальны подобные проблемы и для бывших советских республик Средней Азии. Деятельность организаций, подобных Исламскому движению Узбекистана, ставящих целью свержение существующих в регионе светских режимов и установление жесткого теократического правления, показывает, что Средняя Азия остается в поле повышенного внимания исламских экстремистов. Проявления сходных факторов мы наблюдаем и в исторической ретроспективе, когда власти Российской империи противостояли натиску зарубежной панисламистской пропаганды.

Объектом исследования является политика российского государства.

Предмет исследования – основные направления, эволюция и результаты политического курса, проводимого российскими властями в отношении мусульманского населения Туркестанского края и Бухарского эмирата во второй половине XIX – начале XX в.

Под названным курсом нами понимается совокупность правительственных мероприятий, так или иначе затрагивающих жизнь мусульманской общины, а именно:

- построение системы управления на населенных мусульманами территориях;
- политика в отношении мусульманского духовенства;
- политика в сфере мусульманского образования;
- политика в отношении мусульманского паломничества (хаджа);
- меры противодействия радикальным проявлениям ислама.

Историография.

История изучения проблем, связанных с темой нашего исследования, насчитывает не одно десятилетие. Всю совокупность исследовательских работ по нашей проблематике мы делим на четыре основных направления: дореволюционная, советская, современная российская и зарубежная историография.

Включение в состав Российской империи огромного мусульманского региона закономерно активизировало интерес отечественных ученых и общественности к истории, культуре и быту населения Средней Азии. Данная тематика нашла отражение в трудах В. П. Наливкина¹, В. В. Бартольда², Н. П. Остроумова³, А. Н. Харузина.⁴

В. П. Наливкин первый и, пожалуй, единственный из дореволюционных исследователей, прямо заявил о своей непримиримой позиции в отноше-

---

¹ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства // История Средней Азии. М., 2001. С. 250-461.

² Бартольд В. В. Культура мусульманства. М., 1998.

³ Остроумов Н. П. Исламоведение. Введение в исламоведение. Ташкент, 1914; *Его же*. Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1896.

⁴ Харузин А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа. М., 1895.

нии существовавшего в Туркестанском крае режима правления, считая его чрезмерно жестким и подверженным коррупции⁵.

Для советской историографии, особенно на начальном этапе ее становления, характерна резкая негативная оценка деятельности царской администрации Туркестанского края. Помимо экономической эксплуатации края акцент ставился на карательной политике властей, направленной на подавление национально-освободительного движения народов Средней Азии⁶.

Некоторое смягчение оценок деятельности царской администрации произошло в 1960-е – 70-е гг.⁷. Проблема присоединения Средней Азии к России перестает сводиться лишь к чисто экономическим мотивам, как то поиск сырьевой базы для развивающейся промышленности (дешевого хлопка, полезных ископаемых) и рынков сбыта российских товаров. Хотя исследователи и не пытаются оспаривать ведущую с точки зрения марксизма роль экономического фактора, но наряду с этим они называют другие важные причины присоединения Средней Азии к империи Романовых: предотвращение британской экспансии в пограничном с Россией регионе, а также добровольное желание ряда кочевых племен, в частности казахов и каракалпаков, принять российское подданство.

Кардинальная смена ориентиров произошла на рубеже 1980-90-х гг., что было обусловлено становлением национальных историографий независимых государств Средней Азии. На первый план выносятся проблема борьбы за независимость и сопротивления большевикам⁸.

---

⁵ *Наливкин В. П.* Туземцы раньше и теперь // *Мусульманская Средняя Азия: традиционализм и XX век.* М., 2004. Т. 1. С. 104.

⁶ *Сафаров Г.* Колониальная революция (Опыт Туркестана). М., 1921; *Бройдо Г. И.* Национальный и колониальный вопрос. М., 1924; *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; *Галузо П.* Туркестан – колония. М., 1929.

⁷ *Джамгерчинов Б. Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; *Дильмухамедов Е., Маликов Ф.* Очерки истории формирования рабочего класса дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1963; *Досумов Я. М.* Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России // *Известия Туркменской ССР. Серия общественных наук.* 1959. №2. С. 78-91; *Косбегенов Р.* Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. Нукус, 1973; *Тухтаматов Т. Г.* Русско-бухарские отношения в конце XIX - начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966; *Его же.* Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977; *Его же.* Амударьинский отдел: социально-экономическое и политическое значение для Хорезмского оазиса. Нукус, 1977; *Халфин Н. А.* Присоединение Средней Азии к России (60-е – 90-е гг. XIX в.). М., 1965.

⁸ *Алимова Д. А.* Джадидизм в Средней Азии. Пути обновления, реформы, борьба за независимость. Ташкент, 2000; *Агзамходжаев С.* Туркистон мухторияти. Ташкент, 2000; *Туркестан в начале XX в.: к истории истоков*

Имперский период показан как эпоха всевозможных притеснений коренного населения и героической национально-освободительной борьбы народов Туркестана, что отразилось в работе Н. А. Абдурахимовой и Г. К. Рустамовой⁹. Схожую позицию занимает Н. И. Алимова. Старометодные и новометодные мектебы и медресе представлены оплотами этических знаний и национально-освободительной борьбы, которые царская администрация пыталась всеми силами уничтожить¹⁰.

Данные подходы к освещению событий имперского и советского прошлого признаны в Узбекистане единственно правильными.

Более сдержана в своих оценках историк из Таджикистана Н. В. Матвеева, ученица известного советского ученого Т. Г. Тухтаметова. Деятельность Императорского Политического агентства в Бухарском эмирате, которая выступает предметом ее исследования, рассматривается ею не только через призму навязанных эмиру протекторатных отношений, но и в качестве стабилизирующего фактора, как например, в случае пресечения январской резни 1910 г. в Старой Бухаре¹¹. Данная работа написана с позиций объективности, что выгодно отличает ее от публикаций большинства узбекских историков. Тем самым, она демонстрирует приверженность базовым принципам исторического исследования, принятым и в современной российской историографии.

Проблема распространения радикальных течений панисламизма и пантюркизма в Туркестане и Бухаре противодействия им со стороны российских властей остается малоизученной и зачастую ангажированной. Местные исследователи стараются избегать разговоров о сочувствии некоторых средне-

---

национальной независимости. Ташкент, 2000; *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Ташкент, 2006; *Раджабов К. К.* Вооруженное движение в Туркестанском крае против советского режима (1918-1924 гг.). Автореф. дис. ... док-ра ист. наук. Ташкент, 2005; *Садыков Х.* Колониальная политика царизма в Туркестане и борьба за национальную независимость в начале XX в. Автореф. дис. ... док. ист. наук. Ташкент, 1994; *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917-1918 гг. Автореф. дис. ... док-ра ист. наук. Ташкент, 1998.

⁹ *Абдурахимова Н., Рустамова Г.* Колониальная система власти в Туркестане во 2-ой половине XIX – 1-ой четверти XX в. Ташкент, 1999. С. 74-75.

¹⁰ *Алимова Н. И.* Политика царской России в Туркестане по ограничению развития национального народного образования (1867 - 1917). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2004. С. 15.

¹¹ *Матвеева Н. В.* Представительство России в Бухарском эмирате и его деятельность (1886-1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1994. С. 5.

азиатских просветителей начала XX в. во многом дискредитировавшим себя идеям панисламизма и пантюркизма и, вообще, употребляют эти термины с осторожностью, заменяя их «мусульманской» или «тюркской солидарностью», носившими, по их мнению, антиколониальный, а, значит, бесспорно, прогрессивный характер¹².

Развитие современной российской историографии о Средней Азии происходит зачастую на фоне острой полемики с узбекскими историками. Появление коллективной монографии «Центральная Азия в составе Российской империи»¹³ стало давно ожидаемым и закономерным ответом отечественных востоковедов на откровенно антироссийские выпады историков из Узбекистана. Отдельная ее глава посвящена религиозной политике российской администрации в Туркестанском крае. Она написана профессором Елецкого Государственного университета, доктором исторических наук П. П. Литвиновым, крупным специалистом по истории государства и права, в частности законодательной регламентации религиозной жизни мусульман Средней Азии.

Среди исследований, наиболее близких к тематике настоящей работы следует назвать монографии Д. Ю. Арапова¹⁴, П. П. Литвинова¹⁵ и В. П. Литвинова¹⁶. Обе они затрагивают религиозную (исламскую) политику российского императорского правительства в разных временных промежутках и территориальных рамках.

П. П. Литвинов в своей работе сосредотачивается на проблемах Туркестана, в то время как в монографии Д. Ю. Арапова охвачены все мусульманские регионы Российской империи. Тем не менее, они довольно близки в оп-

---

¹² Нуртазина Н. Д. Казахстан и Средняя Азия: тенденции развития духовной общности на рубеже XIX – XX вв. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1993. С. 18-19.

¹³ Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

¹⁴ Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М., 2004.

¹⁵ Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865-1917): по архивным материалам. Елец, 1998.

¹⁶ Литвинов В. П. Мусульманское паломничество в царской России: историко-антропологический аспект (на примере Туркестана 1865 – 1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Елец, 2007; *Его же*. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и нового времени). Елец, 2006.

ределении предмета исследования: обе работы основываются на изучении юридической регламентации различных сторон духовного быта мусульман.

Д. Ю. Арапова и П. П. Литвинова можно назвать наиболее продуктивными исследователями в современной России, разрабатывающими исламскую проблематику в целом, и среднеазиатскую в частности. В связи с вышесказанным стоит упомянуть еще одну монографию П. П. Литвинова, основанную на материалах российских и среднеазиатских архивов. Она посвящена деятельности органов МВД на территории Туркестанского края. Большое внимание, в связи с этим, уделено противоречиям между Министерством Внутренних Дел и Военным ведомством, под юрисдикцией которого край находился с момента его присоединения к России. На страницах своей монографии автор делает немаловажное и небесспорное заявление, изображая Оренбургское Магометанское Духовное Собрание (Уфимский муфтият, как он его чаще именует) проводником влияния МВД, стремившегося с его помощью поставить под свой контроль духовные дела среднеазиатских мусульман¹⁷. В монографии Арапова Туркестану уделено не так много внимания, широкие территориальные рамки не позволяют автору подробно остановиться на проблемах данного региона. В монографии П. П. Литвинова дается довольно лестная оценка политике игнорирования, автор отмечает ее прогрессивный характер, во многом опередивший время. Он видит в этом большую заслугу Кауфмана, считая его либералом по духу, признавшим за населением Туркестана свободу совести¹⁸.

Следует также упомянуть В. П. Литвинова, который в своей диссертации и монографии рассматривает вопросы внутрирегионального (суфийского) паломничества мусульман, не касаясь, впрочем, хаджа в Мекку и Медину.

Что касается зарубежной историографии, то всплеск интереса к среднеазиатской тематике за рубежом, прежде всего в Великобритании, возрастал по мере продвижения русских войск в Среднюю Азию. Безусловно, цен-

---

¹⁷ Литвинов П. П. Органы департамента полиции МВД в системе "военно-административного" управления Русским Туркестаном: по архивным, правовым и иным источникам. Елец, 2007. С. 140-143.

¹⁸ Литвинов П. П. Государство и ислам в Русском Туркестане. С. 68.

тральное место в англоязычной историографии вплоть до начала XX в. занимала проблема угрозы Британской Индии со стороны российской Средней Азии. Она отразилась в работах Д. Боулджера, Ф. Скрайна, Э. Росса, А. Вамбери, вице-короля Индии Дж. Керзона, а также Дж. Малленсона и Дж. Добсона¹⁹. Обозначив основную проблему, к которой было приковано внимание данной группы исследователей, нужно отметить, что религиозная политика царских властей в Средней Азии не выступала предметом целенаправленного и глубокого изучения.

Зарубежная историография о Средней Азии во время существования СССР, если не находилась в застое, то испытывала серьезные затруднения, вызванные, в особенности, отсутствием доступа к первоисточникам. Одним из главных направлений зарубежных исследований оставалась и остается проблема российско-британского соперничества²⁰.

На этом фоне несколько выделяется работа Роберта Крюза. Главную проблему религиозной политики царских властей в Туркестане он видит в их отказе от создания в крае муфтията по примеру Уфимского, который, как он считает, препятствовал проникновению на территорию Империи радикального ислама²¹.

Анализ историографии приводит нас к выводу о недостаточной изученности заявленной проблематики. Хотя в последние годы делаются попытки осмысления религиозной политики туркестанской администрации, они часто проходят в общем контексте изучения курса царского правительства на мусульманских окраинах Российской империи. Кроме того, при рассмотрении данной проблемы нередко приходится сталкиваться с предельно тенденциозными подходами некоторых исследователей.

---

¹⁹ *Skrine F., Ross E.* The Heart of Asia. History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. L., 1899; *Boulger D.* England and Russia in Central Asia. L., 1879. Vol. 1; *Vambéry A.* The coming struggle for India. L., 1885; *Curzon G.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L., 1889; *Malleson. G.* Herat: the granary and garden of Central Asia. L., 1880; *Dobson G.* Russia's railway advance into Central Asia. L., 1890.

²⁰ *Казем Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004; *Hopkirk P.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. Oxf., 2001.

²¹ *Crews R.* For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L., 2006. P. 106.

Целью исследования является изучение содержания, эволюции и результатов политики российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухарского эмирата в период с 1867 по 1914 г.

Задачи исследования:

- Проследить процесс формирования принципов политики «игнорирования ислама» К. П. фон Кауфмана, ее развития при последующих генерал-губернаторах и подвести итоги реализации данного курса.

- Рассмотреть традицию хаджа в двух аспектах: как индикатор религиозности мусульманского населения, в первую очередь, различных регионов Средней Азии, и в качестве специфического явления духовной жизни коренных народов Туркестана, плохо вписывавшегося в рамки, установленные политикой игнорирования.

- Выявить факторы, подтолкнувшие ряд политических и военных деятелей России к критическому осмыслению религиозной политики Кауфмана в конце XIX – начале XX в.

- Сравнить линии поведения и эффективность курса российских властей в условиях прямого (Туркестанский край) и косвенного управления (Бухарский эмират) населенными мусульманами территориями.

- Охарактеризовать содержание и степень эффективности правительственных мер, направленных на пресечение панисламистской и пантюркистской пропаганды в России и конкретно на территории Туркестанского края и Бухары.

- Дать общую оценку результатам религиозной (исламской) политики российской администрации на указанных территориях.

Хронологические рамки исследования ограничиваются периодом с 1867 по 1914 г., то есть с момента образования Туркестанского генерал-губернаторства до начала Первой мировой войны, которая ослабила или вообще убрала с повестки дня факторы, игравшие ранее важную роль в определении политического курса русских властей.

Территориальные рамки исследования ограничены главным образом пределами Туркестанского генерал-губернаторства в составе Сырдарьинской, Семиреченской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей, а также Зеравшанского округа и Амударьинского отдела. Кроме того, в рамки исследования включен Бухарский эмират. Туркестан и Бухара выбраны в качестве ярких примеров прямого (генерал-губернаторство) и косвенного управления (протекторат). Бухаре в данном случае отдано предпочтение перед Хивинским и Кокандским ханствами в силу присутствия здесь постоянного представительства России (Политического агентства), повышенного интереса к эмирату со стороны царских властей как к стратегически важной окраине Империи и сохранения протектората на протяжении всего изучаемого периода.

Впрочем, рассматривая указанный регион, мы не можем абстрагироваться от процессов, имевших место за его границами в сопредельных Синьцзяне, Афганистане и Иране и, прежде всего, в Османской империи, игравшей особую роль в исламском мире как место пребывания «халифа всех мусульман, хранителя священных городов Мекки и Медины», куда стекалась масса паломников, в том числе из Средней Азии.

Методология.

Общетеоретическую основу настоящего исследования составляет так называемый цивилизационный подход к осмыслению исторических процессов, акцентирующий внимание на уникальности протекания этих процессов и их ментальной составляющей. В качестве научного инструментария исследования выступают историко-генетический, сравнительный и типологический методы.

Историко-генетический метод позволяет проследить зарождение и динамику развития религиозно-политических течений в среде мусульманского населения Средней Азии. Также он подходит для исследования преемственности и изменения политики властей Империи и туркестанской администра-

ции в отношении исламских институтов и различных проявлений духовной жизни местных мусульман.

Сравнительный метод делает возможным сопоставление аналогичных явлений в условиях прямого (Туркестанский край) и косвенного российского правления (Бухарский эмират), раскрывая влияние данных факторов на процесс становления локальных форм джадидизма и настроения мусульман в целом.

Типологический метод ориентирован на выделение различных по степени влияния, социальному составу, политической ориентации, идейным принципам и целям группировок и течений внутри мусульманского сообщества Туркестана и Бухары.

Источниковая база исследования.

Источниковая база нашего исследования представлена следующими видами письменных источников: делопроизводственная документация, законодательные акты, материалы периодической печати, источники личного происхождения.

Особую важность для исследования представляют материалы, проходившие по линии Министерства Внутренних Дел (МВД)²², Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий (ДДДИИ)²³, Департамента Полиции (ДП)²⁴, МИД Российской империи²⁵, Военного ведомства²⁶, Охранного отделения²⁷. Это переписка, доклады, справки, циркуляры, сводки агентурных данных, а также законодательные акты, регулировавшие духовную жизнь мусульман.

---

²² РГИА. Ф. 821: «Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий»; ЦГА РУз. Ф. И-1: «Канцелярия туркестанского генерал-губернатора», Ф. И-2: «Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе», Ф. И-19: «Ферганское областное правление», Ф. И-36: «Начальник города Ташкента», Ф. И-461: «Туркестанское районное охранное отделение».

²³ РГИА. Ф. 821.

²⁴ Мусульманское движение в Средней Азии в 1910 г. (по архивным материалам Департамента Полиции Министерства внутренних дел Российской империи) // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 127-134

²⁵ ЦГА РУз. Ф. И-461; РГИА. Ф. 821.

²⁶ ЦГА РУз. Ф. И-1; Ф. И-461.

²⁷ ЦГА РУз. Ф. И-461.

Основанием работы послужили материалы двух архивов – Российского Государственного Исторического Архива (РГИА), находящегося в Санкт-Петербурге и Центрального Государственного Архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), расположенного в столице Узбекистана Ташкенте. Источники, полученные из указанных архивов во многом дополняют друг друга. В РГИА сконцентрированы документы центральных ведомств, а в ЦГА РУз – местной туркестанской администрации. Важное значение для раскрытия цели исследования имеют материалы фонда № 821 «Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий», хранящиеся в РГИА.

Богатый материал по теме исследования был собран в Ташкенте в Центральном Государственном Архиве Республики Узбекистан. В основу исследования легли материалы фонда И-461 ЦГА РУз (Туркестанское районное охранное отделение) и И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора). В фонде И-461 сосредоточены ценнейшие материалы о деятельности царской охраны, касающиеся организации в Туркестане и Бухаре панисламистской пропаганды и борьбы с ней. Кроме того в работе были использованы материалы фонда 152 Государственного архива в городе Тобольске²⁸.

В качестве источников в нашем исследовании были также использованы опубликованные материалы.

Особого внимания заслуживает записка С. Г. Рыбакова, ученого-этнографа, эксперта МВД по вопросам мусульманской веры. Ему принадлежит очерк мусульманских учреждений Российской империи, дополненный проектами и предложениями царских чиновников и мусульманских организаций, затрагивающими разные стороны жизни мусульманской общины²⁹.

---

²⁸ ГА в Тобольске. Ф. 152: «Тобольское губернское управление».

²⁹ Рыбаков С. Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России. Петроград. 1917 // Арапов Д. Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 267-344.

Принципиальное значение для анализа событий в Бухарском эмирате имеет «Записка П. М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией»³⁰.

К источникам личного происхождения относятся путевые заметки имама Х. Альмушева о его поездке в хадж, в ходе которой он посетил Стамбул, Палестину, Египет и Хиджаз³¹, и М. Н. Никольского, члена Петербургского Археологического института, в начале XX в. совершившего путешествие по Бухаре³².

Хадж-наме Альмушева содержит не очень много сведений об интересующем нас предмете, при этом следует учитывать, что автор однобоко оценивает религиозную политику царских властей, видя в ней одни минусы.

Для М. Н. Никольского характерен непредвзятый, лишенный исламофобии, подход к оценке бухарских реалий. Кроме того, он был хорошо осведомлен о положении дел в Бухарском эмирате.

Крайне важным источником для изучения панисламизма и пантюркизма является турецкая пресса начала XX в.: журналы «Сирати Мустахим», «Терауфуль Муслимин», газета «Хаблул Матин»³³.

Собранные материалы помогают всесторонне раскрыть изучаемую проблему.

В своей работе мы главным образом опирались на источники, сформировавшиеся в результате деятельности органов государственной власти на региональном и имперском уровне, что позволяет в полной мере отразить политические инициативы, исходившие из Петербурга, Ташкента и Новой Бухары, а также вопросы их реализации. Кроме того, в данных источниках сведено к минимуму влияние субъективного фактора. Привлечение панисламистской прессы позволяет взглянуть на изучаемую проблему с позиции противников царского режима. Эту группу источников отличает определен-

³⁰ Записка П. М. Лессара о внутреннем положении Бухарского ханства и его отношениях с Россией. 1895 г. // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 96-126.

³¹ Альмушев Х. Хадж-наме. Нижний Новгород, 2006.

³² Никольский М. Н. Благородная Бухара. СПб., 1903.

³³ ЦГА РУз. Ф. И-461; РГИА. Ф. 821.

ная тенденциозность, но следует также отметить, что зачастую они содержат вполне достоверную информацию о проблемах среднеазиатского региона.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в ракурсе исследования оказалась политика российских властей в отношении мусульманского населения Средней Азии во второй половине XIX – начале XX в. как в условиях прямого (Туркестанский край), так и косвенного управления (Бухарский эмират). При этом большое внимание было уделено недостаточно разработанным в исследовательской литературе проблемам проникновения в среднеазиатский регион идей панисламизма. Помимо непосредственной борьбы с ним рассматривается и влияние данной угрозы на попытки реформирования системы управления Туркестаном.

Кроме того, новизна исследования состоит в привлечении широкого круга архивных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Положения, выносимые на защиту.

- Политика российских властей в Туркестане, заложенная генерал-губернатором Кауфманом и известная под названием «политика игнорирования ислама», несмотря на краткосрочный положительный эффект, оказалась несостоятельной: влияние ислама не только не было ослаблено, но, наоборот, воплотилось в более радикальных формах.

- Попытки пересмотра «политики игнорирования» при преемниках Кауфмана были весьма слабы и непоследовательны, что, в известной степени, отражало неспособность и нежелание центральной администрации учитывать этноконфессиональные особенности края, требовавшие подготовки нового типа управленца и выстраивания иной системы отношений между мусульманским и русским населением.

- Усилившаяся на рубеже XIX – XX вв. панисламистская пропаганда в Средней Азии заставила российские власти Туркестана обратить более пристальное внимание на вопросы, связанные с исламом, что, однако, привело к переходу от политики игнорирования ислама к политике подавления его ра-

дикальных проявлений и, в целом, ужесточению полицейского контроля в крае.

- В Бухарском эмирате, находившемся в вассальной зависимости от России, российское Политическое агентство, фактически, также стремилось игнорировать ислам (в лице могущественного духовенства), делая ставку на светскую власть эмира, что способствовало росту антирусских и антиэмирских настроений, и радикализации форм внутривластной борьбы.

- Включение Средней Азии в состав Российской империи и политика российской администрации в этом регионе, в целом, способствовали усилению реформаторского течения в исламе, тесно связанного с зарождающимся национализмом.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Настоящая работа призвана внести вклад в изучение политики царской администрации Туркестанского края и курса, проводимого российским представительством в Бухаре, руководствуясь принципами объективности и используя обширную источниковую базу, что особенно важно на фоне дискуссионного характера многих поднимаемых в ней проблем и высокой степени политизированности подобного рода исследований.

Материалы исследования могут послужить основой для написания монографии, а также разработки программы курсов, посвященных истории Средней Азии и радикальных религиозных течений.

Апробация результатов исследования проведена в ходе ряда всероссийских научных конференций. Всего опубликовано 5 статей общим объемом 2,5 п.л. В том числе, издано 3 статьи в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, формулируются предмет, объект исследования, его цель и задачи, очерчиваются территориальные и хронологические рамки, дается обзор историографии и источников, характеристика используемых научных методов, приводятся положения, выносимые на защиту, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, содержатся сведения об апробации полученных результатов, отображается структура диссертации.

Первая глава «Политика игнорирования ислама» посвящена изучению теоретических основ и практической реализации религиозной политики, заложенной первым туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом.

В первом параграфе «Механизмы “политики игнорирования”» представлены сущностные черты, направления и механизмы реализации «политики игнорирования ислама» генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана.

Политика игнорирования базировалась на представлениях о том, что ислам в Туркестане, лишенный организационных форм, будучи огражденным от влияния крупных религиозных центров и предоставленным самому себе, постепенно придет к упадку, то есть ослабнет его влияние на жизнь местного населения, исчезнет, как считалось, традиционный для мусульман фанатизм.

Политика игнорирования, несмотря на свое название, подразумевала принятие мер с целью предотвращения нежелательного влияния духовенства на умы мусульман.

Во втором параграфе «Традиции хаджа в Средней Азии и политика администрации по отношению к мусульманскому паломничеству» освещается область духовной жизни мусульман, которая с трудом поддавалась регулированию в рамках «политики игнорирования». Таковой областью являлся хадж, предписываемое Кораном ежегодное паломничество мусульман в Мек-

ку и Медину. С одной стороны, Кауфман высказывался против запретительных мер, которые могли способствовать всплеску массового недовольства в регионе, державшем лидерство по численности мусульманских паломников. С другой, власти не могли оставить без внимания тот факт, что Мекка и Медина находятся под властью Османской империи, а турецкий султан воспринимается мусульманами-суннитами, которых в Туркестане было подавляющее большинство, в качестве халифа, главы уммы.

Обострения в отношениях России и Порты, а также вспышки опасных эпидемий в турецком Хиджазе являлись серьезными факторами, под влиянием которых даже Кауфман вынужден был поступаться принципами политики игнорирования и вводить периодические запреты на паломничество туркестанских мусульман в Мекку. Данные обстоятельства с самого начала служили главным уязвимым местом установленного Кауфманом курса. Статистика паломничества за разные годы XIX и XX вв. показывает, что политика игнорирования несколько не ослабила религиозные чувства мусульман Туркестана, более того, численность паломников продолжала расти.

Политика игнорирования не достигла поставленных ее основоположником целей. Тем не менее, принцип невмешательства в религиозную жизнь мусульман, запрет православного миссионерства и авторитет краевой власти, созданный Кауфманом, на первых порах, безусловно, способствовали спокойному сосуществованию российских властей и местного населения.

Во второй главе «Попытки пересмотра политики игнорирования» рассматриваются проблемы, поставившие под вопрос целесообразность дальнейшего следования линии Кауфмана, предпринимавшиеся попытки пересмотра этой линии и их результаты.

В первом параграфе «Влияние Андижанского восстания на настроения туркестанской администрации» подвергаются анализу события, последовавшие за Андижанским восстанием 1898 г. Восстание вскрыло крайнюю неосведомленность властей о процессах, происходящих в мусульманской среде, в том числе о степени влияния суфиев. Ранее суфизм был обойден вниманием

властей, потому что, по распространенному тогда заблуждению, считался атавизмом язычества, не несущим угрозы позициям России, но зато резко враждебным исламу.

Генерал-губернатор С. М. Духовской (1898-1901) первым рассмотрел в Андижанском восстании признаки надвигающейся угрозы панисламизма, источниками которой называл Османскую империю, Афганистан и Синьцзян³⁴. Духовской высказался за принятие жестких административных мер в отношении суфиев, введения административного контроля над мусульманским духовенством и тщательного наблюдения за настроениями в среде приверженцев ислама, что шло вразрез с прежним курсом. Но его голос не был услышан в Петербурге. Не реализованными остались и предложения генерал-губернатора по поводу организации в Ташкенте курсов по изучению местных языков и востоковедения для представителей военной администрации, увеличению численности последней. По сути, вся система управления Туркестаном с очевидными ее недостатками осталась нетронутой, Духовской наметил лишь пути реформирования, но мало что из своих замыслов осуществил. Тем временем российская власть теряла авторитет в глазах мусульманского населения.

Во втором параграфе «Реакция властей на обострение проблемы панисламизма» раскрывается обострившаяся вскоре после Младотурецкой революции 1908-1909 гг. проблема распространения панисламизма в Туркестане.

Младотурки активизировали политику по экспорту идей панисламизма, в том числе, в Среднюю Азию, начатую еще султаном Абдул-Хамидом II. Распространялись эти идеи посредством печати, образования, отправки в мусульманские регионы специально обученных агитаторов, принятия местных жителей в ряды партии «Единение и прогресс».

Экономическим проектом младотурок, имевшим выраженный политический подтекст, стало учреждение в 1910 г. «Общества помощи османскому флоту». Пожертвования в его пользу проводились и в Средней Азии вопреки

---

³⁴ ЦГА РУз. Ф. И-461. Оп. 1. Д. 1260. Л. 6 об.

официальному запрету российских властей. Собранные внушительные суммы наглядно показывали симпатии, которых добилась Османская империя, в том числе, и среди российских мусульман.

На фоне международных осложнений вскрылись застарелые проблемы в самом Туркестанском крае, долгое время таившиеся под покровом политики игнорирования и выявленные в ходе ревизии сенатора К. К. Палена.

Выявление сети новометодных школ, преподавание в которых велось исключительно на местных языках и зачастую по турецким учебникам панисламистской направленности, побудило администрацию П. А. Столыпина к решительным действиям. Но правительство мало что могло предложить помимо запретительных мер. Что касается контроля за передвижениями турецких подданных, которые регулярно посещали Среднюю Азию с сомнительными целями, то здесь власти оказались фактически бессильны.

На этом фоне генерал-губернатор П. И. Мищенко в своем докладе на имя военного министра указал на необходимость организации в Туркестане внутренней и внешней разведки, а также вновь, по примеру Духовского и других своих предшественников, поднял вопрос об увеличении полицейских штатов, изучении чиновниками администрации языков и обычаев местного населения. Одновременно он выступил против переселения в Туркестан русских крестьян в рамках аграрной реформы Столыпина, полагая, что ее реализация будет способствовать нарастанию антироссийских настроений среди коренного населения.

Тем не менее, столыпинская реформа была распространена на Туркестан, а несогласного Мищенко удалили из края, не дав возможности исправить многочисленные просчеты прежней администрации.

Последствия столыпинских начинаний стали сказываться уже после его смерти. Откровенные захваты земель, прежде всего кочевий, вызвали соответствующую реакцию недовольства среди населения Туркестана, чем не преминула воспользоваться турецкая панисламистская пропаганда. С одной стороны, коренное население все больше отдалялось от России, с другой –

администрация генерал-губернатора всюду начинала видеть проявления пан-исламизма, совершенно перестав доверять «туземцам».

В конечном счете, политика игнорирования ислама выродилась в игнорирование проблем мусульманского населения, что послужило основанием для ряда выступлений, в том числе восстания 1916 г.

В третьей главе «"Исламская" политика России в Бухарском эмирате» рассматривается положение дел в вассальном эмирате и деятельность в этой связи Императорского Политического агентства в Бухаре.

В первом параграфе «Особенности политической жизни государств Средней Азии и установления в них российского правления» дается обзор политической ситуации в государствах Средней Азии на момент их завоевания Россией. Также выявляется степень лояльности различных групп населения новой власти. Внимание сконцентрировано при этом на Бухарском эмирате, имевшем крайне важное для России значение.

Ислам играл основополагающую роль во внутривнутриполитических процессах в эмирате. При дворе эмира традиционно соперничали две группировки элиты – шиитская, состоящая из потомков рабов-персов, и суннитская, представленная коренными национальностями эмирата, к которой примыкали влиятельное бухарское духовенство и главы суфийских орденов.

С установлением протектората России над Бухарой расстановка сил на политической арене эмирата несколько изменилась. Отмена рабства, на которой настояла российская сторона, послужила верным залогом лояльности шиитов по отношению к «опекающей державе».

Во втором параграфе «Рост антироссийских настроений в Бухаре в начале XX в.» описывается процесс нарастания кризисных явлений и антироссийских настроений в эмирате в конце 1900-х – 1910-х гг. Эмир и его окружение, чувствуя поддержку России, не особенно заботились о настроениях и чаяниях своих подданных, допуская многочисленные злоупотребления. Недовольство администрацией эмира неминуемо распространялось и на Россию. В 1910 г. копившееся недовольство выплеснулось наружу в ходе ян-

варской резни шиитов в Старой Бухаре. Ведущую роль в организации выступления сыграло бухарское духовенство и преподаватели крупных медресе. Попытки подобных выступлений предпринимались и в 1911 г., причем в данных случаях явно просматривалось влияние турецкой агентуры и правящих кругов Афганистана. Между тем, российские дипломаты были настолько скованы в своих действиях и так опасались вероятных осложнений в Бухаре, что не смогли добиться от эмира, опасавшегося конфликтов с духовенством, принятия соответствующих мер в отношении зачинщиков беспорядков.

На протяжении первого десятилетия XX в. в Бухаре, несмотря на запрет организации новометодных школ, принятый эмиром под давлением духовенства, растет влияние местных джадидов, оплотом которых выступал Стамбул. Противостояние шиитов и суннитов постепенно отходит на задний план, главным становится конфликт консервативного духовенства и сторонников джадидизма. Окружение эмира Сейид-Алима начинает метаться между двумя этими группами. Максимум, чего удалось достичь российским властям – предотвратить вмешательство Афганистана в бухарские дела, не допустить, точнее, оттянуть на несколько лет повторение кровавых событий, подобных тем, что имели место в 1910 г.

С наступлением Первой мировой войны, как ни странно, в Политическом агентстве воцарились несколько расслабленные настроения в связи с тем, что прекратились визиты агитаторов из Османской империи и регулярное поступление турецкой прессы, а возглавляемое А. Фитратом бухарское отделение «Единение и прогресс» утратило связь с центральным комитетом партии в Стамбуле. Между тем джадидизм набирал политическую силу, и эмиру пришлось пойти на имитацию реформ, когда опекающая держава в силу революционных потрясений больше не могла ограждать его от проблем собственного государства.

В заключении формулируются основные выводы исследования.

Первый туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, определил основное направление политики российской администрации в Средней Азии, который будет сохраняться на протяжении всей истории генерал-губернаторства. Содержание данного политического курса было неоднозначным.

Сохранение привычного уклада жизни мусульманской общины, при котором умма вела практически автономное от властей существование, мягкость режима в данном отношении способствовали быстрому умиротворению Туркестана после силового присоединения его к России. Взамен от местного населения требовалась лояльность новым властям, которую оно в целом и проявляло. Но эффект кауфмановской политики оказался временным и во многом зиждился на личном авторитете первого туркестанского генерал-губернатора.

Курс Кауфмана, направленный на ограничение внешних контактов мусульман Туркестана, проявил несостоятельность еще при жизни своего вдохновителя. Одним из его уязвимых мест была традиция хаджа.

Попытки пересмотра религиозной политики при приемниках Кауфмана оказались бесплодными. В таких условиях власти были чрезвычайно слабо осведомлены о процессах, протекавших в мусульманской общине, что ярко продемонстрировало Андижанское восстание 1898 г. Но и оно не заставило центральные власти кардинально пересмотреть линию Кауфмана. Главной цели – ослабления влияния ислама среди населения Туркестана политика игнорирования не достигла, она лишь завуалировала противоречия, которые вышли наружу спустя десятилетия после смерти ее идейного вдохновителя.

Основополагающими проблемами администрации Туркестанского края, вытекавшими из курса Кауфмана, являлись незнание обычаев и языков подвластного мусульманского населения, неотлаженная система школьного образования и, как итог, сохранявшаяся культурная отчужденность значительной части населения от России. Когда же застарелые проблемы обнаружились, правительство оказалось не в состоянии оперативно их решить.

На этом фоне происходила активизация панисламистской пропаганды в Средней Азии, что фактически было использовано властями для наступления на позиции усиливавшегося мусульманского реформаторского движения.

Политика России в Бухаре коренным образом отличалась от той, что проводилась в генерал-губернаторстве. Здесь сохранилось влиятельное мусульманское духовенство, с которым вынужден был считаться даже эмир. Представители России были крайне осторожны в своих действиях, опасаясь вызвать недовольство местного населения. Желая сближения бухарцев с Россией, представители последней заботились и о том, чтобы эмир не лишился авторитета мусульманского государя среди подданных.

Период правления Абдул-Ахада (1885-1910), первого из эмиров, возведенного на престол при непосредственном участии России, следует назвать временем формирования противоречий внутри правящей бухарской элиты. На данном этапе российские представители активно не вмешивались во внутренние дела Бухары, а только лишь фиксировали рост антироссийских настроений.

В самом конце правления Абдул-Ахада давно назревавший политический кризис перешел в острую фазу. Вмешательство России предотвратило развитие событий по худшему для нее и эмира сценарию, но добиться окончательного решения проблемы ей не удалось.

Постепенно обостряется противоречие между джадидами и правительством Сейид-Алима (1911-1920), который становится на сторону кадимистов. Присутствие России в Бухаре сдерживало переход нового конфликта в фазу открытого противостояния, но еще до начала Первой мировой войны окружение эмира начинает заигрывать с противниками России в лице высшего духовенства, стараясь подготовить почву для решающей схватки за власть со сторонниками джадидизма.

Присоединение Туркестана и Бухары к России способствовало их активному вовлечению в политические и культурные процессы российского и

международного масштаба, содействовало постепенному росту либеральных настроений в среде местного населения.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. *Бороздин С. С.* Паломническое движение мусульман Туркестанского края в конце XIX – начале XX в. // Вестник Университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2010. № 3 (29). С. 124-133

2. *Бороздин С. С.* Распространение идей панисламизма в Туркестане (начало XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (8). С. 155-162.

3. *Бороздин С. С.* Эхо Балканских событий: Русский Туркестан в преддверии Первой мировой войны // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 17 (1). С. 214-221.

Другие публикации:

1. *Бороздин С. С.* Государственная политика в отношении хаджа мусульман Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Мир в новое время. Сборник материалов Двенадцатой всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам истории международных отношений XVI – XXI вв. СПб., 2009. С. 217-220.

2. *Бороздин С. С.* Пробуждение Бухары: Бухарский эмират в конце XIX – начале XX в. // Karadeniz. 2012. №4 (14). S. 47-64.